

Глава 20. Добби на грани безумия

Никакие высшие силы — будь то Мерлин, который, по слухам, уже давно бегал где-то нагишом, ни пришедшая в себя Бета, суровая матушка Добби, ни сам новоявленный домашний эльф — так и не смогли спровадить в могилу юного Люциуса Малфоя. Молитвы Мерлину были делом гибельным: этот старый пройдоха вспоминал о своих обязанностях по великим праздникам, так что проще было уповать на милость бездны. Бета же, хоть и выделялась среди сородичей изрядной долей строптивости, пойти против воли хозяев не могла — вековой инстинкт верности держал её крепче стальных цепей.

В общем, как бы Добби ни мечтал придушить мелкого паршивца, шансов у него не было. К тому же он пока не мог полностью контролировать своё новое тело, так что все кровожадные планы оставались не более чем мысленным злорадством.

«Рано или поздно этот мелкий ублюдок всё равно свернёт себе шею. Вот тогда я и посмеюсь»

Впрочем, от сурового наказания Добби это не спасло. И пусть по меркам домашних эльфов оно казалось плевым делом, самого бедолагу душила лютая, экзистенциальная обида. Ни один словарь мира не смог бы вместить и сотой доли того мата, который крутился в его голове.

А кто был виновен в том, что его желудок превратился в филиал ада? Старый хрен Абраксас! Не подсунь этот сифилисный старик ему ту ядовитую дрянь, Добби до сих пор переваривал бы гвозди. А теперь? Любой захудалый грязнокровка похвастался бы лучшим пищеварением. Мало того, из-за нежного возраста домашнего эльфа ему были противопоказаны любые нормальные исцеляющие зелья.

Известно ведь: всякое лекарство — яд, а уж магические микстуры и подавно. Чего туда только не пихают! Ладно ещё коренья да травы, но мерзкие слизистые глаза, сомнительные жидкости и сушёная шкура жабы? Увольте. К тому же физиология домашнего эльфа — штука тонкая. Обычные человеческие зелья действовали на них дай Мерлин вполсилы. Словом, Добби остался у разбитого корыта: ни здоровья, ни покоя.

Оттирая сухой сморщенной лапкой перила садовой беседки, он яростно матерился под нос. Задний двор давно стал его персональной каторгой. Из живых душ сюда забредал разве что юный барчук, который уже неделю не вылезал из купальни. Остальные домашние эльфы обходили это место за версту, словно Добби был зачумлённым.

Оуян Цичжи быстро уяснил: даже среди безвольных рабов-домашних эльфов есть своя иерархия, сплетни и презрение. Не будь он личным домашним эльфом Люциуса, сородичи давно забили бы его до смерти за провинности. Теперь же они лишь сверлили его ненавидящими взглядами и бормотали проклятия вслед. Совсем как Кикимер из книг: кланяются в лицо, а стоит отвернуться — шипят гадости. Похоже, все домашние эльфы поголовно психически ненормальные.

Кикимер хотя бы изливал яд на нелюбимых хозяев да чужаков. Добби стиснул зубы. Будь его

воля, он бы раскидал эту свору заносчивых тварей одной левой — силёнок у него теперь хватало с избытком. Но увы, они считались «своими», и кодекс магии запрещал калечить имущество Малфоев.

Перебей он этих дармоедов, Поместье Малфоев бы встало. А на носу день рождения Люциуса. Если подготовка сорвётся, матушка Бета и сам мелкий блондинистый ублюдок сдерут с него три шкуры, а кости выбросят на съедение воронам. При всей своей бравате, умирать во второй раз Оуян Цичжи не спешил. Незнестность пугала, а подыхать в теле уродливого ушастого карлика было верхом позора.

Выпустив пар, Добби вздохнул и снова нагнулся с тряпкой. Эта чёртова беседка! Он вылизал её до блеска ещё вчера, а сегодня она опять выглядела так, словно в ней лет сто обитали привидения. Наверняка этот мелкий гад Люциус наколдовал грязь ради забавы. Как ещё объяснить, что защитные чары Поместья Малфоев, удерживающие идеальный климат, пасовали перед слоем пыли в одной конкретной беседке?

«Ладно, плевать. Он — господин, я — слуга, такова суровая реальность. Эх, Оуян Цичжи, в прошлой жизни ты был свободным человеком, а теперь пресмыкаешься перед малолеткой...»

Он взглянул на свои руки. Связь души с телом восстановилась уже процентов на семьдесят. Оставшиеся тридцать были вопросом времени.

«Только погодите, ублюдки. Как только я заберу полный контроль над этой тушкой, никакие контракты господина и слуги меня не удержат. Моя душа — человеческая, а не эльфийская! И тогда Люциус, Абракасас... я вам устрою сладкую жизнь! Покажу, почём фунт лиха!»

— Добби! Добби! — раздался над ухом писклявый, режущий слух визг.

Оуян Цичжи вздрогнул. Этот ультразвук принадлежал не его властной мамаше Бете, а Доки — мелкому паршивцу, который родился с ним в один год. От такого голоса можно было запросто лишиться барабанных перепонок.

— Доки, чтоб тебя черти драли! — рявкнул Добби, потирая ухо и свирепо глядя на ухмыляющегося эльфа. — Ты чего орёшь прямо в ухо?

— Юный господин зовёт тебя! — Доки невинно захлопал огромными глазами, а затем, понизив голос, но всё равно крича так, что было слышно на пол-ярда вокруг, пробормотал: — Ишь, развыступался. Личный домашний эльф молодого хозяина, а косячит на каждом шагу. Да порядочный домашний эльф на его месте давно бы расшиб себе лоб о стену во искупление грехов! Бедная тётушка Бета, за что ей такое наказание...

Добби с трудом сдержал искушение запихать грязную половую тряпку прямо в этот шевелящийся рот. Распоясались, твари.

«Ладно, вякайте-вякайте. Жизнь у домашних эльфов долгая, я ещё успею станцевать на ваших могилах»

Проигнорировав ворчание Доки, Добби отшвырнул ведро и направился к покоям своего маленького мучителя.

Он вошёл без стука, бесцеремонно толкнув дверь. Будь Люциусу лет четырнадцать или шестнадцать, Добби бы, пожалуй, поостерёгся ломиться без предупреждения — мало ли какими непотребствами может заниматься подросток. Но этому сопляку едва стукнуло шесть. К тому же Добби, контролирующий тело на семьдесят процентов, плевать хотел на рабский этикет. Главное — не убивать мальчишку физически, а за мелкие вольности магия контракта господина и слуги его не покарает.

Оказавшись внутри, Добби скривился от отвращения. Красивая жизнь, ничего не скажешь! Вся ванная комната тонула в полупрозрачных шелках, посреди возвышался огромный бассейн, усыпанный лепестками роз, а стены освещали вмурованные в кладку драгоценные светящиеся камни. Роскошь граничила с пошлостью.

И это не было завистью! Абсолютно! То, что Добби пахал двое суток без крошки во рту, весь в пыли и мыле, пока его малолетний хозяин нежился в тёплой водичке в окружении горы сладостей — чистейшее совпадение. Он не завидовал. Ни капельки.

Подойдя к краю бассейна, Добби меланхолично смахнул в воду горсть лепестков и поклонился:

— Хозяин.

Он невольно посмотрел на тарелку с пирожными. Слюна мгновенно наполнила рот. Желудок жалобно сжался. Добби чертовски хотел жрать, но рисковать не смел — его капризный тракт мог вернуть пищу обратно в самый неподходящий момент, а это было больнее, чем просто голодать.

Маленький Люциус не удостоил его ответом. Он блаженно раскинул руки, откинув голову на бортик бассейна. От горячего пара его обычно бледные щёки порозовели. Сейчас он выглядел не как спесивый барчук, привыкший смотреть на всех свысока, а как обычный милый ребёнок. Если бы не надменная, не по годам взрослая поза, картина была бы совсем идиллической.

Поняв, что его игнорируют, Добби хмыкнул и принялся монотонно швырять в бассейн лепестки роз. Один за другим, горсть за горстью. Скоро толщина этого цветочного ковра на поверхности воды могла бы соперничать с периной. Выйди Люциус сейчас на улицу, его бы атаковал весь рой поместных пчёл.

— Добби, я намеревался принять ванну, притом горячую, — раздался сонный, но полный ледяного достоинства голосок Люциуса. — Я не планировал устраивать здесь погребение под цветами. Быть заживо похороненным в розовых лепестках — это верховенство безвкусицы, и я

не потерплю подобного в Поместье Малфоев.

Добби снова низко склонил голову, пряча ехидную ухмылку:

— Добби лишь хотел угодить юному господину. Добби совершил столько ошибок и жаждет искупить свою вину.

«Ишь, эстет недоделанный. Лепестки ему не угодили!»

Люциус вздохнул, качнув головой, и приоткрыл один глаз:

— Добби, на самом деле я позвал тебя не для выговора. Я подумал... возможно, моё наказание было слишком суровым. Мне даже стало немного неловко.

Добби инстинктивно сделал шаг назад, почуяв подвох.

— Что вы, хозяин! Решения юного господина всегда справедливы. Добби виноват и заслужил кару.

«Что этот мелкий гад задумал?»

— Вот и славно, — Люциус прищурился и сладко улыбнулся. — Раз уж ты так стремишься загладить вину, я решил сменить твою обязанность. С этого дня и до самого моего праздничного банкета ты будешь готовить еду для всей семьи. Самостоятельно. И — самое главное — без использования магии домашних эльфов. Только ручной труд. Закупки, чистка, резка, варка — всё на тебе. А чтобы ты не отлынивал, Бета будет лично контролировать процесс. Если хоть одно блюдо покажется ей невкусным, будешь переделывать заново.

В голове Добби что-то с треском лопнуло. Готовить? На всю ораву? Без магии?! Чистить тонны овощей руками, соблюдая строгие аристократические стандарты Малфоев?

«Ах ты мелкий, золотоволосый ублюдок!»

В один прыжок Добби преодолел расстояние до бортика бассейна, вцепился обеими руками в шею Люциуса и принялся неистово его трясти, вопя на всю ванную:

— Люциус Малфой, тварь паршивая, чтоб ты сдох!!!